

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Будучи американским гражданином, Чарльз Паллисер, с детства живущий в Великобритании, фактически является британским автором. Специалист по модернистской литературе, он работал преподавателем и редактором, писал для театра, радио и телевидения, пока грандиозный международный успех романа «Квинканкс», получившего к тому же премию имени Сью Кауфман, присуждаемую за дебютный роман Американской академией искусств и литературы, не позволил ему полностью посвятить себя сочинению остросюжетных романов. Одно из самых знаменитых издательств мира «Penguin Books» доверило Паллисера написать предисловие к изданию произведений Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе в своей серии «Classics».

ЧАРЛЬЗ
ПАЛЛИСЕР

Кви́нканкс

Том 2

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П14

Charles Palliser

THE QUINCUNX: THE INHERITANCE OF JOHN HUFFAM

Copyright Charles Palliser, 1989. All rights reserved

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Виталия Аникина*

Иллюстрация на форзаце *Сергея Шикина*

Паллисер, Чарльз.

П14 Квинканкс. [Роман. В 2 томах]. Том 2/ Чарльз Паллисер ; [пер. с англ. Л.Ю. Бриловой, С.Л. Сухарева, М.В. Куренной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 736 с. — (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-98218-9

Выдающийся роман Чарльза Паллисера буквально взорвал нишу не только исторического детектива, но и исторического романа вообще. Он является одним из лучших образцов реконструкции атмосферы эпохи и тонкой игры с каноническим литературным жанром.

По викторианским детективам Коллинза и Конан Дойла нам известно, что «старая добрая» Англия была не такой уж доброй. Но на самом деле все было куда хуже, чем изображали даже самые смелые классики. Англия имела такое дно, такую изнанку, что они способны удивить даже искушенных читателей XXI века. Вынужденный пройти через все круги этого ада, Джон Хаффам постепенно приближается к разгадке тайны, которая преследует его с самого детства. Тайны пяти кланов, чьи чудовищные отношения намертво слили их в загадочном орнаменте квинканкса...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

- © Брилова Л.Ю., перевод на русский язык, 2014
- © Сухарев С.Л., перевод на русский язык, 2014
- © Куренная М.В., перевод на русский язык, 2014
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98218-9

КНИГА III БРАЧНАЯ НОЧЬ

ГЛАВА 61

ЗАПИСЬ ПЕРВАЯ

18 декабря 1819
Дорогой сыночек Джонни!

Ты не понимаешь, конечно, не понимаешь. Да и как тебе понять? Ты плохо вел себя, но ты сам не знал, что говоришь. Тебе невдомек, что означает приход мистера Барбеллиона. Это означает, что нас нашел наш Враг. И ты привел его напрямик к нам! Но ты не виноват, тебе еще не по уму это понять. По-настоящему я не сержусь. Вот пойду сейчас наверх и помирюсь с тобой.

Ты спал, я последила, не притворяешься ли ты, но ты на самом деле спал.

Мне хочется, чтобы ты все понял, и я решила записать рассказ о том, как жила до твоего рождения. Ты прочтешь его уже взрослым, когда он будет тебе по уму. Если нужно будет раскрыть все полностью, то кое-что в моем рассказе тебе будет трудно читать, а мне трудно записывать. Я отдам тебе эту книжечку в твой двадцать первый день рождения и позволю прочитать. А может, устрою так, чтобы ты нашел ее после моей смерти.

19 декабря

Как странно, едва я затеяла рассказать тебе о прошлом, как узнала о смерти Дяди Мартина! А ведь с ним связано очень многое из того, что я буду описывать.

Я родилась в доме моего Отца на Чаринг-Кросс и до замужества жила там с ним вдвоем, потому что матушка скончалась, когда я была еще ребенком. Точный адрес я не скажу, так как мне не хочется, чтобы ты туда являлся. Это был большой старый дом, наша семья жила там очень много лет. Прежде, наверное, это было роскошное здание, с верхнего этажа открывался вид на Королевские сады Нортгумберленд-Хауса, но в мои времена этот район уже не принадлежал к фешенебельным.

Место это было вовсе не хорошее. В трактирах вокруг квартировали солдаты, их сальные косички и грубые манеры всегда меня пугали. Часто они затевали драки. В дни приемов у Короля парк охраняли часовые, нас с няней туда не пускали, и приходилось поворачивать домой, потому что кроме парка пойти было некуда, да и там, конечно, гулять можно было только при дневном свете (впрочем, совсем безопасно там не бывало никогда). Когда мы ходили вдоль стены Прайви-Гарденз, мне всегда велели не глазеть по сторонам. И еще поблизости была таверна «Кубок».

Дом был чудной, мрачный — думаю, он такой и до сих пор, если еще стоит. Батюшка рассказывал, что он был выстроен на месте средневекового монастыря, Сент-Мэри Раунсивал и показывал старинную резьбу на задних фасадах домов в соседнем дворе (по его словам, это были монастырские строения). Дом располагался поодаль от улицы, в тихом дворе, перед фасадом имелся собственный мощный дворик и пристройка-вестибюль с парадной дверью. Когда дом только построили, нынешний задний фасад был передним, но в промежутке между ним и улицей уже давно возвели другие дома, так что главный вход переместили и

дополнили вестибюлем. От задней двери можно добраться до улицы прямой дорожкой между соседними домами; это важно, а почему — я постараюсь объяснить как-нибудь позднее. Дом был высокий, построенный беспорядочно, с множеством низких и темных комнат, в панелях из темного дерева, с величественной лестницей в большом центральном холле, куда выходили двери всех комнат. На стене в боковом холле висела крест-накрест с алебардой сабля с кривым лезвием, и мистер Эскрит обыкновенно пугал меня упоминанием, что в давние времена она послужила орудием убийства.

Мой Папа редко с кем-либо виделся, он весь ушел в одно-единственное занятие. Родни у нас почти не было: Папа, а еще раньше его Отец с большинством из родственников поссорились. Мои владения составляли две небольшие комнаты на третьем этаже в задней части дома, по соседству с комнатами гувернантки; там я проводила большую часть времени, либо с гувернанткой, либо, чаще, сама с собой: гувернантки надолго не задерживались, отчего, боюсь, я толком так ничему и не научилась. Папа днями просиживал в своей библиотеке за юридическими книгами и составлением судебных бумаг либо консультировался в адвокатских конторах. Его заботило лишь одно, как вернуть себе Права на усадьбу Хафем, которые, по его мнению, были отняты у него обманом.

Больше в доме никто не жил, кроме мистера Эскрита. Когда я была девочкой, он достиг уже глубокой старости, ведь его служба нашей Семье началась во времена моего Прадедушки; мистер Эскрит поступил к нему совсем в юном возрасте кем-то вроде доверенного Секретаря, а теперь как профессиональный юрист помогал моему Папе в делах с законом. Это был добрейший старый джентльмен, хотя временами на него по никому не понятной причине нападала меланхолия (здесь было вычеркнуто: особенно в тех случаях, когда он)... он не отказывался со мною играть,

и в раннем детстве у меня не было лучшего, чем он, приятеля.

Кроме мистера Эскрита был еще только мистер Фортисквинс (Дядя Мартин, как я его звала), тоже с незапамятных времен связанный с нашей Семейей: его Отец служил управляющим Имением у моего Прадеда, когда тот владел Хафемом. Он был одних лет с моим Папой, и воспитывались они, можно сказать, как Братья. Видишь ли, Папа еще младенцем потерял Отца, моего Дедушку, а в три или четыре года — и мать. У Дяди Мартина мама тоже умерла совсем рано. (Помнишь, та леди, которая когда-то жила в нашем коттедже?) И вот отец Дяди Мартина взял моего Папу к себе, жить с ним и его сыном в Хафеме. (Отец сэра Персевала Момпессона, сэр Хьюго, купив у моего Дедушки Имение, оставил мистера Фортисквинса в должности управляющего.) Мистер Фортисквинс обитал в Старом Холле (по крайней мере, в части здания, другое крыло использовалось для какой-то другой цели). Как видишь, Папа рос бедным сиротой в Имении, которое совсем недавно принадлежало его Семейе; представляю, до чего ему было обидно, когда новые владельцы задирали перед ним нос, а то и вовсе его не замечали. Сказав «бедный», я должна пояснить, что в наследство ему досталась только ежегодная рента с Поместья, это было одно из условий, на каких оно было продано его Отцом. (Увы, его бедный Отец был отчаянный мот, он расточил большую часть наследства еще до того, как вступил во владение им, так что к тому дню, когда умер его собственный Отец, на имении висело много долгов и пришлось продать его на невыгодных условиях.)

Папа с Дядей Мартином вместе учились в Кембриджском университете (оставшихся денег на это как раз хватило), и когда они вернулись в Лондон, мистер Эскрит пригласил их жить в старом доме. Я должна объяснить, что этот дом был ему (то есть мистеру Эскриту) завещан

за его заслуги моим Прадедом и он уже долгие годы жил там один-одинешенек. (Когда-то он был женат, но жена его давно уже умерла. Папа мне рассказывал, что вроде бы был у них и ребенок, который вырос и стал взрослым, но от него мистеру Эскриту достались одни неприятности и потому, насколько я знаю, никто в доме никогда о нем не заикался.) И вот эти двое молодых людей стали жить в доме мистера Эскрита и изучать право. Мистер Эскрит к ним очень привязался, Папа тоже его любил, но Дядя Мартин как будто нет, и мистера Эскрита это сильно огорчало. Так продолжалось несколько лет, пока Дядя Мартин не женился и не зажил своим домом. (Его жена умерла, когда я была еще совсем маленькой, и детей ему не оставила.)

Теперь я должна объяснить, почему мой Папа считал, что имеет Право на Поместье Хафем. Дело в том, что, когда он впервые приехал в Лондон (совсем мальчишкой — ему было шестнадцать), он отправился навестить мистера Эскрита и услышал от него Тайну: ему, мол, достоверно известно, что мой прадедущка, Джеффри Хаффам, незадолго до смерти добавил к своему Завещанию Кодацил, но кто-то его спрятал. Однако мистер Эскрит не сомневался, что Кодацил этот где-то есть и его можно найти. Суть его состояла в том, что он ограничивал Дедушкины права как наследника, то есть продажа Поместья сэру Хьюго становилась недействительной, поскольку существовало условие наследования, не отмененное и не приостановленное. Мистер Эскрит предложил Папе накапливать ежегодные выплаты, которые будут ему поступать, пока ему не хватит денег выкупить Кодацил. Папа загорелся и занялся Процессом в Канцлерском суде. (Мне следовало объяснить, что Дедушкино Завещание уже было оспорено.) Дядя Мартин, который, как я сказала, всегда недолюбливал мистера Эскрита, обвинил его в том, что тот внушает Папе ложные надежды получить обратно Имение Хафем и подбивает тратить на

эту затею все свое время и деньги. Но оказалось, что мистер Эскрит был прав, а Дядя Мартин ошибался: в день, когда мне исполнилось семнадцать, произошло событие, которое все переменяло.

ЗАПИСЬ ВТОРАЯ

12 апреля

Погоди, увидишь, какая умная была твоя Мама. Имея прибывль с тысячи Фунтов, мы заживем совсем по-другому. Три сотни нас бы и близко не спасли. И неправильно было говорить о ней такие вещи. Она нам предана. Джонни, тебе еще будет стыдно за свои слова. Я ей сказала, что не смогу платить ей столько, сколько она просила (мистер Сансю очень строго мне это отсоветовал), а она все же от нас не ушла.

Вернусь к прежнему своему рассказу: в один прекрасный день мой Папа позвал меня в Библиотеку. Там был еще и мистер Эскрит, и оба они были сильно взволнованы. Папа сказал мне, что, по словам мистера Эскрита, Кодацил найден! Тут как раз пришел Дядя Мартин, и Папа попросил мистера Эскрита повторить всю Историю. Вот как она мне вспоминается: как я уже, наверное, упоминала, сорок лет назад мистер Эскрит служил доверенным агентом у моего прадедушки, Джеффри Хаффама. Старого джентльмена очень тревожило, как бы его сын (мой дед), наделавший долгов, не продал после его смерти Имение, и он, чтобы этому помешать, добавил к своему Завещанию Кодацил, в котором Имение было объявлено заповедным. (Мой дедушка, Джеймс, был тогда неженат, по этой причине, а также и по другим старейший джентльмен написал такие условия, что, если мой дедушка умрет, не оставив наследника, тогда Поместье наследует Сайлас Клоудир, в ту пору единственный внук старого джентльмена.) Как бы то ни было, через год или два, когда старейший джентльмен умер,

кто-то тайком забрал Кодацил. Много лет мистер Эскрит искал документ, так как (говорил он) догадывался о его судьбе. Наконец он нашел тогдашнего владельца и тот согласился продать Кодацил за 4000 фунтов.

Когда он кончил рассказ, Дядя Мартин попросил его ненадолго выйти. Папа возражал, твердил, что у него нет секретов от старого джентльмена, но мистер Эскрит очень обиделся и пожелал непременно выполнить просьбу Дяди Мартина. Когда он ушел, Дядя Мартин спросил Папу, верит ли он в эту Историю. Отец фыркнул и ответил, что верит. Они обсудили, где взять деньги, и Папа сказал, что заложит ежегодный доход с имения. Дядя Мартин был против, потому что это поставит под удар мое будущее, а еще, добавил он, найти кредитора будет нелегко, ведь по денежному рынку ползут слухи, что у Момпессонов расстроены Дела. Недавно он побывал у сэра Персевала и леди Момпессон с ежегодным визитом вежливости (у него осталась эта привычка, поскольку между Семьями в свое время существовала связь), и они ни словом об этом не обмолвились, но всем и каждому известно, что доходов от арендаторов поступает все меньше, ведь Момпессоны ничего не вкладывают в землю. Он сказал: Печально думать, что усовершенствования, которым мой Отец посвятил всю жизнь, пошли прахом. Но суть дела такова, что тебе не следует рисковать своим доходом ради глупой авантюры, а нужно затянуть пояс и откладывать деньги на случай, если поступления прекратятся.

Папа ответил: Такое Благоразумие, Мартин, не в моей натуре, ты забыл, видно, мой семейный девиз: «Tutor rosa corum spinos», то есть цветок безопасности покоится среди грозных шипов. А потому вот что я думаю: мой двоюродный братец Сайлас Клоудиф тоже выигрывает, если Кодацил найдется, а у него денег куры не клюют. Предложу-ка я ему купить Кодацил вдвоем. Он сел за стол и начал писать.

Тут, Джонни, я должна кое-что объяснить. Мистер Сайлас Клоудиф, хотя он много старше Папы, приходился

ему двоюродным братом, ведь Джеффри Хаффам — отец его матери. (Ее звали София Хаффам, и Замужество ее не обошлось без переживаний, потому что Клоудир для Хаффамов слишком низкородная семья.) Оттого он был вовлечен по наследству в Процесс в Канцлерском суде, где был одной из Сторон, из-за этого у них с Папой много лет назад произошла ссора, и с тех пор они не поддерживали родственные отношения. У мистера Клоудира было два сына, Питер и Дэниел. У Дяди Мартина, который не доверял мистеру Клоудиру и опасался его, от такой новости глаза на лоб полезли. Но было у него и еще одно соображение, и он сказал: Это верно, что и у тебя, и у Клоудира есть причины желать, чтобы Кодацил был представлен в Суд. Однако, мало того что он мошенник, ваши интересы полностью противоположны, ведь, если Эскрит не ошибается, Клоудир и его наследники получают Поместье Хафем только при том условии, если он переживет тебя и Мэри. Папа на это рассмеялся, поцеловал меня и произнес: Вот именно. Но этого ждать не приходится. Мэри на сорок лет его младше. Но Дядю Мартина это не убедило, он попросил папу образумиться, а когда увидел, что папа стоит на своем, предложил сам ссудить ему деньги на определенных условиях. И здесь я должна... Нет, не стану вдаваться в это сейчас, хотя вскорости постараюсь все же дать объяснения.

Мистера Эскрита позвали обратно. Он едва не плакал, и у меня тоже на глазах выступили слезы. Он сказал: Мистер Джон, я поступил на службу к вашей Семье почти что с пеленок, пять десятков лет назад. И вот меня выгоняют из комнаты, чтобы обсудить, что у меня на уме и можно ли мне доверять! Никому не под силу такое стерпеть. Папа встал и обнял его: Простите меня, дорогой старый друг. Никто в вас не сомневается. Мы с дочерью доверяем вам абсолютно. Но когда папа рассказал, что собирается попросить у мистера Сайласа Клоудира денег в долг, чтобы купить Кодацил, мистер Эскрит пришел в ужас и стал

убеждать, что Папа и мистер Клоудир – злейшие враги; тут он заодно с Дядей Мартином умоляет Папу не иметь со старым джентльменом никаких дел. Папа, однако, упрямо стоял на своем. Жребий был брошен, мистеру Клоудиру и его сыновьям было послано приглашение зайти к Папе как-нибудь утром.

Через несколько дней они явились. Услышав их стук, мистер Эскрит тут же удалился к себе. Мистер Клоудир оказался ссохшимся старичком на согнутых ногах. Выглядел он гораздо старше, чем я думала, и его хитрое личико не внушало симпатии. Одет он был тщательно и аккуратно, по старой моде. Старшему его сыну, Дэниелу, высокому и полному мужчине с круглым пухлым лицом, я дала бы не меньше сорока. В своей неприметной одежде он очень походил на уважаемого адвоката, кем и был на самом деле – адвокатом, я имею в виду. Когда он стоял рядом со своим младшим братом, можно было подумать, что это отец и сын. Впрочем, Питер несколько не походил ни на одного из своих родственников. Роста он был среднего, стройный, лицо бледное и печальное, с большими карими глазами. Улыбка (правда, улыбался он редко) полностью преображала его лицо, прогоняя всякие следы печали. Одет он был элегантно, как подобает модному молодому джентльмену.

Служанка принесла вино и печенье, и Папа с кузенком заключили мир. Старому мистеру Клоудиру явно не терпелось узнать, зачем его пригласили. Чуть погодя Папа встал и произнес: Что ж, старый дружище. Мы перейдем к делу, а молодежь пусть знакомится друг с другом. Странно было это слышать, потому что по годам он недалеко ушел от молодого мистера Клоудира, а по виду и манерам казался младше его. Взяв старого мистера Клоудира под локоть, он увел его из комнаты. Теперь, Джонни, я должна все объяснить. Прежде чем продолжить, я должна все объяснить про твоего отца. Но подожду, сперва мне нужно собраться с духом.

ЗАПИСЬ ТРЕТЬЯ

Рождество, 1822

Эта бедная женщина. Сколько ей пришлось вынести. Что-то она застанет, когда вернется домой? Пока я ее слушала, в голове крутились мысли о прошлом и о Лондоне. В ее Истории есть вещи, которые тесно смыкаются с моей собственной жизнью. Ты стал о ней расспрашивать, и я решила, что должна все тебе рассказать на этих страницах, хоть я не прикасалась к ним уже два года.

Тут я должна сделать Признание. Я знаю, ты прочтешь эти записи достаточно взрослым, чтобы все понять. Я пообещала рассказать тебе о твоём отце и сейчас выполню обещание. Прежде всего я должна вернуться к тому, что произошло, когда Дядя Мартин попытался отговорить Папу от каких-либо дел с мистером Клоудиром. Тебе нужно знать, что...

(Тут отсутствовало несколько страниц, которые матушка выфала и заставила меня сжечь.)

...Это случилось, как ты узнаешь, в ночь перед тем, как мы прибыли в Хартфордскую Гостиницу.

Ну вот, наконец это сказано!

Теперь я должна вернуться к тому времени, когда я впервые познакомилась с Клоудирами. Пока Папа беседовал в Библиотеке со старым джентльменом, я пыталась вести разговор с его сыновьями. Это оказалось очень трудной задачей, потому что молодой мистер Клоудир ни на минуту не закрывал рот, а его Брат скоро совсем замолк, а мне гораздо больше хотелось послушать его, чем старшего Брата. Молодой мистер Клоудир говорил только о себе, о своих занятиях адвокатурой, о своем домашнем хозяйстве, словно меня интересовала только его персона. Когда он упомянул свою маленькую дочурку, я с облегчением ухватилась за эту тему и стала о ней расспрашивать. Я понятия не имела даже о том, что он был женат, и было очень неловко (не знаю как ему, а мне уж точно), когда ему при-

шлось объяснять, что его супруга умерла при родах. Папа не удосужился ничего не рассказать мне про наших гостей.

Наконец к нам присоединились Отец и старый мистер Клоудир. Старый джентльмен дрожал от волнения, и вскоре гости раскланялись, предварительно взяв с нас обещание почтить их ответным визитом. Когда они ушли, Отец обнял меня и сказал: Он согласился! Он так же заинтересован Кодацилом, как я. Он не успел ничего добавить, потому что нужно было переодеться к обеду. Но когда пришел Дядя Мартин, Папа поведал, как мистер Клоудир согласился дать ему в долг денег. Мартин спросил об условиях и о том, выставлял ли старый джентльмен какие-нибудь требования, и Папа наконец признался: Он настаивал на каком-нибудь залоге. И я согласился выплачивать пожизненно двадцать процентов в год и передать ему полис. Мартин был очень недоволен, он сказал, что это против моих интересов; если Папа умрет, не успев выплатить Заем, то основная сумма долга повиснет на его Имени. Папа сказал: Ерунда! К тому времени, как я умру, Имение вернется ко мне и Долг будет выплачен. А Мартин ему: Ни на что нельзя полагаться, Джон. А если ты умрешь раньше, чем ожидаешь? (Как часто я вспоминала эти слова!) Я просила их сменить тему, но Мартин не унимался: Я тебе таких условий не ставил. Признайся честно, Джон, были и другие условия, о которых ты промолчал? Он говорил с горечью. Папа ничего не ответил. Тогда Мартин добавил: Не сомневаюсь, вам обоим приятно будет узнать, что я в конце концов решил жениться. Мой Отец вскричал: Ну и дурак! Я уже говорил тебе на днях: глупо обзаводиться женой в твоём возрасте, когда человек столько лет прожил холостяком. Мартин был обижен, но когда он сказал, что его невеста — Джемайма, наша кузина, Папа, который ее всегда недолюбливал, добавил масла в огонь: Девчонка охотится за твоими деньгами. Ты ведь знаешь, у нее за душой ни гроша, если она не выскочит замуж, при-